

*Хазиев Р.А., профессор
кафедры истории России, историографии и источниковедения
Бакирского государственного университета*

**Российская военно-политическая «схватка»
периода Революции и Гражданской войны
в интерпретации новейшей англоязычной историографии**

Революционные события в России, которые «потрясли мир», а затем вылились в жесточайшее противостояние между непримиримыми мирами «красных» и «белых», исследователями англоязычного руссиеведения излагаются в различных версиях. Периодически научные наработки зарубежных руссиеведов, специализирующихся по ранней советской истории, в той или иной степени полноты подвергаются историографической экспертизе отечественными исследователями¹.

Объем представленного доклада не позволяет проанализировать все новейшие публикации англоязычных ученых, касающиеся российской революционной тематики, поэтому мы преднамеренно отказались от аннотационного обзора имеющихся в нашем распоряжении работ в пользу историографической оценки только двух новейших изданий, на наш взгляд авангардных. Такие авторы, как Энтони Смит и Марк Стейнберг выдвигают новаторские идеи, используя нестандартные методы в их реализации. Понятно, что на основе двух изданий, даже если они и приурочены к 100-летию революции, невозможно сделать обобщающие выводы, но, тем не менее, они позволяют представить степень дихотомии, сохраняющейся между российскими исследователями и англоязычными руссиеведами в понимании, а самое главное в извлечении исторических уроков российской революции.

Профессор истории Оксфордского университета Энтони Смит, научные интересы которого связаны с изучением преимущественно первых десятилетий функционирования коммунистических режимов в России и Китае, недавно вы-

пустил монографию «Россия в революции: империя в кризисе, 1890–1928 гг.»². Ученого по праву можно отнести к плеяде зарубежных исследователей, которые, демонстрируя оригинальность суждений, обладают еще и научно-литературным даром доступно доносить до читателей сложнейшие перипетии российской революционной эпохи³.

Энтони Смит во введении своей новой книги однозначно дает понять, что у него есть собственное виденье протекания исторических событий в России с конца XIX в. до начала 1-й пятилетки и коллективизации. Семь глав книги предназначены автором для разнообразной аудитории: интересующихся прошлым России, студентов, а также для коллег по академическому сообществу. Смелая заявка автора на историческую всеобъемлемость в рамках одного издания, правда, подкрепляется заверением исследователя, что им были взяты на вооружение (как синтез) последние изыскания российских и западных ученых⁴. Однако этот посыл не получил своей реализации, в книге нет полновесной историографической полемики⁵, обычно присущей научному изданию, всю работу незримо пронизывает постулат об актуализации известных знаний в хронологическом диапазоне от позднеимперской России до начала модернизационных преобразований сталинского типа.

К интересующему нас периоду (1917–1922 гг.) относятся непосредственно две главы⁶. Они, как, впрочем, и другие части книги, логично взаимосвязаны друг с другом контекстами военно-политического, социально-экономического и культурно-исторического характера. На них, как на основаниях, монтируются события, персоналии, явления, взорвавшие позднеимперскую Россию и положившие начало развитию цивилизационного «миропорядка» советского типа. Такой подход, безусловно, является находкой автора. Он позволяет читателю легко усваивать текст книги, не отвлекаясь от хода повествования, которое у иных авторов иногда затмевается академизмом, нагроможденным без меры. Выверенный прагматизм в трактовке излагаемых событий рождает ощущение новизны. Однако это не что иное, как продуманная, виртуозная подача собы-

тийной картины, *рельефно* отображающей рассматриваемые явления посредством тщательно подобранного исторического текста.

В целом квинтэссенция ярко и образно обозначаемых автором событий сводится в итоге к нелегитимности сложившейся советской системы, которой удалось выжить и утвердиться, пройдя через горнило чудовищных испытаний Революции и Гражданской войны. Большевики добились искомой цели путем единения рабочих и крестьян, страдавших во многих поколениях от эксплуатации. Революционеры умело вселяли в них надежду на будущее блаженство жизни, активно используя политико-идеологические манипуляции. В связи с этим мы не нашли в книге ответа на один принципиальный вопрос, который остался нераскрытым: что же в революции, которая является сложнейшим процессом, а не *событием*, толкало, заставляло, а самое главное, уверяло самих творцов-революционеров стойчески нести счастье народу путем насильственного слома прежней государственной машины? Конечно, зеркального отображения процессов не бывает, но в XXI веке мы стали свидетелями не менее шокирующих событий, чем происходившие в революционной России. Вспыхнувшие «цветные революции», «Арабская весна» и другие катаклизмы побуждают задаваться вопросами: что же движет теми, кто ратует за прогресс, процветание, социально-экономическое и политическое равенство и т.п., но идет к этому через экстремально жесточайшее обрушение прежнего миропорядка?

Главное достоинство книги Энтони Смита состоит в том, что она заставляет мыслить, задаваться вопросами и искать на них ответы. Но на один еще принципиально важный вопрос мы также не находим ответа, почему автор воспринимает революционирующую Россию не во всем её административно-территориальном устройстве и геополитическом пространстве. Впрочем, это в той или иной степени присуще и другим изданиям зарубежного россиеведения. Империя была в кризисе, при этом она априори вся была бурлящим революционным котлом в той или иной степени социально-политического и прочего кипения. Никто не оспаривает, что центром политической жизни были тогда Пет-

роград, Москва и ряд оппозиционных большевикам «белых столиц» и «белых регионов». Не был одинаков по всей стране и накал военно-политической, социально-экономической и т.д. напряженности. Важно подчеркнуть, что в данном случае речь не идет об учете взаимосвязи между центром и революционной провинцией, что, кстати, нельзя упускать из виду. Рецензируемая книга и в целом большинство работ наших зарубежных коллег порождают вопросы о степени репрезентативности *«панорамного»* подхода, относительно совокупности взаимоотношений характерологически разнообразных масс людей, спорности и конкурентоспособности витавших тогда в обществе идей, неоднозначности способов деятельности хозяйствующих субъектов, представлений о рождавшихся на глазах новых революционных культурных правилах и т.д.

В действительности в революционной России протекали процессы, отличавшиеся разнообразностью, двусмысленностью, противоречивостью в виде одновременного сосуществования самостоятельности и централизованности, неуправляемости и дисциплинированности, беспорядка и жесткой регламентации. Отмеченные проявления вовсе не признание нами существования единственно верного алгоритма – толкования совершающегося в 1917–1922 г., например, только через призму порядка-беспорядка, одномерности-двойственности, однообразности-многовариантности. Тем не менее, опрометчиво, заранее не оговаривая, экстраполировать по умолчанию на всю огромную державу происходившие в революционную эпоху многослойно-переплетавшиеся сложнейшие процессы, не учитывая их территориально-временную специфику. Чего только стоит историографически взвешенно оценить в пространстве той же ранней Советской России такое явление, как продуцирование различными социальными группами, политическими субъектами от столиц до самых «дальних окраин» разнообразных представлений, верований, эмоций и доктрин социально-экономического, гендерного, национального, географического и т.д. характера. Это же относится и к теоретико-политическим идеям, являвшимся субъективной рефлексией объективной действительности мира политики не только Цен-

тра, но и региональной России. Обозначенные процессы в первую очередь и в большей степени наблюдались в политически ангажированных центрах власти России, безусловно, определявших (но не *фатально*) революционную жизнь, обыденность, опыт, нарратив того периода.

Российским ученым хорошо известен и профессор Марк Стейнберг из Иллинойского университета Урбана-Шампейн. Уже много лет Марк Стейнберг имеет по всему миру широкую читательскую аудиторию, прежде всего из числа тех, кто профессионально изучает историю нашей страны или интересуется ею. Марк Стейнберг совместно с патриархом зарубежного россиеведения Н.В. Рязановским (1923-2011) является автором популярного учебника «История России»⁷, выдержавшего восемь изданий. Марк Стейнберг – продуктивный ученый, имя которого в профессиональных кругах на слуху благодаря его неизменной верности революционной тематике, поэтому наше внимание привлекла изданная им в 2017 г. работа «Русская революция, 1905–1921 гг.»⁸.

Содержание книги, состоящей из трех частей и восьми разделов, рождало ощущение некой эклектичности, а также реанимирования в условиях историографического поворота идей, высказанных автором в ряде предыдущих работ⁹, но не доведенных им тогда до ювелирной отточенности. Однако, какие бы ни возникали эмоции и суждения о прочитанном, очевидна научная дерзновенность Марка Стейнберга. Она проявилась уже в постановке автором пяти задач, решаемых посредством нового прочтения вынесенных на обсуждение разновеликих социальных, экономических, гендерных и этнических тем. В эти нетождественные темы вплетены рассказы и мнения людей, осмысливавших произошедшие с ними в условиях «*перманентной*» (таково наше субъективное мнение) русской революции 1905–1921 гг. Безусловно, Марк Стейнберг, как профессионал высоко уровня, не мог оставить без разъяснения, откуда он черпает информацию, интерпретируя «историю и голоса» (рассказы и мнения) различных персонажей революционной эпохи, пропускавших через свое индивидуальное «я» прожитое лихолетье, которое было познано не понаслышке, а на

собственном жизненном опыте¹⁰. Таким образом, закономерно возникает вопрос об источниковой базе, используемой для выполнения такого необычного и даже интригующего научного проекта.

Для Марка Стейнберга одним из основных информационных элементов являются газеты, которые он называет «часто встречающимся источником»¹¹, хотя автор при этом, как он сам пишет, «старается не быть наивным»¹², осознавая, насколько газеты специфичны как источник. В тексте книги мы не находим результативного источниковедческого анализа, кроме ссылки на одного из самых именитых в XX веке немецких философов, теоретика культуры, эссеиста Вальтера Бенямина (Walter Benjamin), который действительно в 1930-е гг. имел удачный опыт использования и объяснения этимологического содержания ряда дефиниций в пространстве газет. Однако важно знать, как автор книги осуществлял археографический анализ газетного массива, разнообразных исторических и историографических источников. Иначе непонятно, как Марк Стейнберг объективно определяет репрезентативность результатов выполненной работы, написанной в нестандартной манере – «лицом» к личностно-революционной истории, вводя в оборот определенную выборку и перенося ее на всю генеральную совокупность.

Мы считаем, что поднятый нами вопрос принципиален, так как исходит из заданного самим автором и пронизывающего всю книгу основного посыла – модерное источниковедческо-историческое «прислушивание» к тому, что происходило в знаковых центрах, на национальной периферии, в «медвежьих углах»; что озвучивалось различными персонами (политическими кумирами революционных масс, «фуриями» революции, интеллектуалами, богемой, никому не известными «бабами» и «мужиками») о том, как они воспринимали и трактовали свою жизнь в «исторические времена», в «историческом месте» революционной России.

Вне всякого сомнения, книга Марка Стейнберга написана талантливо, но, захватывая внимание, она побуждает полемизировать (и в этом ее очевидное

достоинство) еще и относительно транслируемого (где явно, а где подспудно) рокового предначертания, неизбежной обреченности, несения страной революционного креста, т.е. экстремально-шокового развития революционного процесса без какой-либо альтернативы. Работа в той или иной степени пропитана общероссийским плачем, пронизывающей эмоциональной «переживательностью». Это предметно продемонстрировано в родительском письме, отправленном летом 1920 г. из деревни сыну-красноармейцу Пете¹³. Письмо домочадцев наглядно демонстрирует настроения эпохи: слезы, душевные стенания, страдания, насилие власти и ее осуждение, наконец, широко распространенную тогда катастрофичность мышления. Все это, безусловно, было, но возникает вопрос: где пролегает та черта (и она не обозначена автором книги), когда тотальное обобщение не позволяет объективно оценить истинное положение вещей, ведь были и островки сытости, довольства жизнью теневой донэповской России, национально-автономной самостоятельности, отграниченной от командно-революционного администрирования и жившей почти до начала нэпа по региональным, а не военно-коммунистическим законам и т.п. Все это в множестве фрагментов и различий составляло мозаично-единый (но цельный) исторический процесс.

На наш взгляд, отечественная научная школа чем-то вооружится, что-то возьмет во внимание, что-то не посчитает ценным и отринет, но явно не останется равнодушной, осмысливая нетривиальные исследования двух названных авторов. Какие бы разные мыслительные конструкции не возникали в умах российских ученых и наших зарубежных коллег о революции в России, невольно радуешься тому, что эта тема все еще специально изучается и не воспринимается мимоходом далекой архаикой. Данное положение вещей вдохновляет, свидетельствуя в настоящее время об историографической неисчерпаемости изучения революции в России, которая явно будет интересна в ближайшей и даже в отдаленной перспективе, учитывая разные взрывы-вызовы XXI века, сотрясающие страны и отдельные регионы.

Представители российского научного сообщества ожидают новых встреч с работами англоязычных русистов, посвященными российской революции, которые уже анонсированы. Надеемся, будет небезынтересно и историографически прагматично познать индивидуальную трактовку авторов относительно извечного вопроса: «откуда есть и пошла» и во что трансформировалась революция в России в проекции нового концептуального взгляда¹⁴, хайтековского иллюстрирования на грани событийного эпатажа¹⁵, тематико-хронологической, историко-популизаторской революционной действительности¹⁶, если это способствует выходу на новый уровень концептуального переосмысления российских многофакторных революционных процессов, событий и явлений.

-
- ¹ Kolonitskii B.I. On Studying the 1917 Revolution: autobiographical confessions and historiographical predictions // *Kritika: explorations in Russian and Eurasian history*. 2015. № 4 (16). PP. 751–768; Зайцева А.А. Некоторые аспекты гражданской войны и интервенции в зарубежной историографической литературе // *Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета*. 2015. № 2. С. 316–320; Шишкин В.И., Савин А.И. Социальная мобильность в России в эпоху войн, революций и радикальных трансформаций первой половины XX в.: основные направления и результаты изучения // *Гуманитарные науки в Сибири*. 2014. № 4. С. 89–93; Лукьянчикова М.В. Предпосылки и характер российской революции в трудах представителей научной школы Д. Гайера // *Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева*. 2009. № 3. С. 80–85 и др.
- ² Smith S.A. *Russia in revolution: an empire in crisis, 1890 to 1928*. Oxford: Oxford University Press, 2017. 455 p.
- ³ Одна из книг Энтони Смита, посвященная событиям в революционной и постреволюционной России 1917–1936 гг., стала бестселлером. Она была переведена с английского на ряд европейских языков, а также корейский, арабский, турецкий и др. См: Smith S.A. *The Russian Revolution: a very short introduction*. Oxford: Oxford University Press, 2002. 180 p.
- ⁴ Smith S.A. *Russia in revolution: an empire in crisis, 1890 to 1928*. Oxford, 2017. P. 2.
- ⁵ Осенью 2015 г. автор опубликовал дискуссионную статью «Историография русской революции 100 лет спустя». См.: Smith S.A. *The Historiography of the Russian revolution 100 Years On* // *Kritika: explorations in Russian and Eurasian history*. 2015. № 4 (16). PP. 733–749.
- ⁶ Smith S.A. *Russia in revolution: an empire in crisis, 1890 to 1928*. Oxford, 2017. PP. 101–262.
- ⁷ Riasanovsky N.V., Steinberg M.D. *A history of Russia*. 8th ed. NY; Oxford: Oxford University Press, 2011. 759 p.
- ⁸ Steinberg M.D. *The Russian revolution, 1905–1921*. Oxford; NY: Oxford University Press, 2017. 388 p.
- ⁹ См.: Steinberg M.D. *Melancholy and modernity: emotions and social life in Russia between the revolutions* // *Journal of social history*. 2008. № 4. (Vol. 41). PP. 813–841; Steinberg M. D. *Proletarian imagination: self, modernity, and the sacred in Russia, 1910–1925*. Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 2002. 335 p. и др.
- ¹⁰ Steinberg M.D. *The Russian Revolution, 1905–1921*. Oxford; NY, 2017. PP. 2–5.

¹¹ Ibid. P. 3.

¹² Ibid. PP. 3–4.

¹³ Ibid. P. 206.

¹⁴ С нетерпением ждем появления книги Шона Мак-Микина «Русская революция: новая история» (McMeekin S. *The Russian revolution: a new history*). Вполне возможно, что, как и предыдущая работа (McMeekin S. *July 1914: countdown to war*. NY: Basic Books, 2013. 461 p.), исследование будет не менее «взрывным» и ниспровергающим историографические представления относительно комплекса причин, предопределивших найденный автором «новоисторический» вектор развития российской революции.

¹⁵ В скором времени станет доступной для прочтения книга Чайна Мьевиля «Октябрь: история русской революции» (Mieville Ch. *October: the the story of the Russian revolution*). Судя по тому, что британский писатель-фантаст (или, как мы его называем, обласканный наградами «троцкист-бунтарь», переворачивающий порой в стиле фэнтезийного стим-панка все верх дном) является талантливым рассказчиком, нас ждет явно удивительное историческое «угощение» революцией. Зная воззрения автора, можно прогнозировать, что будет высказано не только понимание, но и принятие «бунтарей по крови», свершивших революцию в России.

¹⁶ Кэтрин Мерридэйл «Ленин в поезде» (Merridale C. *Lenin on the train*), Лидия Бьорнлунд «Очевидец русской революции» (Bjornlund L. *Eyewitness to the Russian revolution*), Орландо Фигус «Трагедия народа: русская революция» (Figs O. *People's tragedy: the Russian revolution*), Филип Кэнлифф «Ленин жив!: переосмысление русской революции 1917–2017» (Cunliffe Ph. *Lenin lives!: reimagining the Russian revolution 1917–2017*), Ричард Спенс «Уолл-стрит и русская революция, 1904–1925» (Spence R. *Wall street and the Russian revolution, 1904–1925*) и др.